

Ын Юль лишь криво усмехнулся — даже став тем самым обобраным Сон Ын Юлем, он не собирался сдаваться. Изначально его жизнь не имела ничего, поэтому он верил: если приложит усилия, и под именем Сон Ын Юля сможет подняться. И действительно, постепенно его жизнь становилась лучше. Но внезапное появление этого человека в одно мгновение пошатнуло опору, которую он выстраивал.

— Думать потом будешь. Сейчас ведь перед тобой человек стоит. Со мной сначала разберись,
— Нам Гун Хёк наклонился, чтобы встретиться взглядом с опустившим голову Ын Юлем.

Обычно в такой ситуации реакция бывает одна: осознав своё положение, заплакать. Он был уверен, что и Ын Юль не станет исключением. Пусть ему и понравилась еда, из-за чего он даже объяснял всё чуть мягче, но при таком долге... разве возможно не расплакаться?

— Ну, только не плачь... э? — Нам Гун Хёк растерянно выдохнул, увидев лицо Ын Юля.

Тот не плакал. Более того...

— Подлый человек! — вlepил ему в ответ оскорбление.

— Если с самого начала собирался это протянуть, так и есть не надо было. Набил пузо вкусной едой — и теперь такое суёшь?

— Э... я тоже по делу пришёл, но ведь ты сам сказал, что есть свободный стол и вынес похлёбку.

— Ты же сам сказал — две порции! Кто хотел съесть две, а?

И ведь правда. Хотя первым и предложил Ын Юль, но ведь именно Нам Гун Хёк не отказался и сам сделал заказ. Изначально он собирался сразу сказать, зачем пришёл, но, глядя на глупое лицо Ын Юля, решил, что момент испортится, и потому сел есть. Но всё же...

— Это ведь ресторан, что такого, что я поел?

— «Что такого»? Ты пришёл высасывать из людей последнее, а ещё имел наглость поесть!

— Слышь, уж слишком резко выражаешься. Почему всё время говоришь «жрал»?

— А что, сказать тебе «приятного аппетита»?

Ын Юль огрызнулся во всё горло.

Когда-то, в каком-то саду, от чьих-то насмешек в адрес Сон Ын Юля у него выступили слёзы. Тогда он выплакался. Но сейчас было иначе — кричать оказалось куда легче и освобождающе.

— Да что ты из одной трапезы проблему сделал. Я ведь заплатил уже, хватит.

— Смешно. А ты мне свой долг полностью погасил и просто отпустил? По твоей логике — не стал бы с этой бумагой приходить. Так что плати за еду заново.

— Сколько? — Нам Гун Хёк достал кошелёк. Ссориться из-за еды он не хотел.

— Двадцать миллионов вон!

Тут он и застыл.

— Ты что, аферист? — нахмурился он.

— Кто бы говорил! — огрызнулся Ын Юль.

— Да что в этой похлёбке такого на двадцать миллионов? Остальные тоже столько платят?

— А зачем сравнивать с другими?

Нам Гун Хёк едва не рассмеялся от абсурдности, но Ын Юль упёрся:

— Все ели одну и ту же похлёбку.

— Только ты получил что-то особенное.

— Я? Что особенного? Мне что, золото в похлёбку насыпали?

— Яичницу!

— ...Что?

Нам Гун Хёк уже хотел переспросить, но вдруг вспомнил:

«Яичница идёт в качестве сервиса. Но это не простое яйцо — попробуйте, и вкус вас удивит. Я гарантирую».

Увидев выражение его лица, Ын Юль победно заявил:

— Та самая яичница с «удивительным вкусом». Вот её цена!

— Да ты и впрямь мошенник.

— Это почему же? Там моя любовь и забота, значит, оно того стоит.

— Любовь? Забота? — Нам Гун Хёк переспросил в полном недоумении. Он наклонился ближе.

— Слушай, тут внутри другой человек поселился? Почему ты так изменился?

Ын Юль поднял руку, чтобы оттолкнуть его лицо, но тот перехватил её. Более того, притянул к себе так близко, что Ын Юлю пришлось встать на цыпочки. Казалось, он ведь не маленького роста, но Нам Гун Хёк оказался выше.

— Говори, кто ты.

— ...Отпусти. — Щёку сжали, губы вытянулись, но Ын Юль сверкнул глазами.

— Где прежний Сон Ын Юль? Куда делся и почему остался... — Нам Гун Хёк скользнул взглядом по лицу. — Один лишь очаровательный мальчишка.

— Сумасшедший...

— Даже ругаешься мило.

Он посмотрел на сжатую в своей ладони руку Ын Юля.

— А руки-то какие красивые. Разве раньше они были такими?

Дом богатейшего человека Кореи стоял на земле, где сходились лучшие энергии гор. Исчезнувший когда-то просторный ханок уступил место громадному строению, больше напоминавшему крепость.

Причиной столь кардинальной перестройки была лишь одна: любимый внук.

Однажды в дом привели мальчика, и поползли слухи — это оказался внебрачный внук богача. И хотя он был сыном известного бизнесмена и уже рос в достатке, все гадали — зачем же было

перестраивать дом, превращать его в крепость ради него? Но истинная причина так и не открылась. Старик слишком был занят тем, чтобы исцелять сердце мальчика. Дом этот стал символом его заботы:

«Иногда я буду твоим рыцарем и твоей крепостью».

Благодаря поддержке деда Кан Ха Джун быстро оправился и нашёл опору. Или, по крайней мере, так думали.

— Ты встречался с депутатом Хан Чхоль Сыном?

Ха Джун молча пил чай. Отрицать не имело смысла — это была правда.

— Он же из одной партии с твоим отцом. Зачем встречался?

— Простите. — Только эти слова он выдавил.

Вздых деда был тяжёлым.

— У тебя всё ещё остались чувства к отцу?

И это был вопрос не постороннего, а деда. Ха Джун не мог соврать и промолчал.

— Прошло столько лет. Пусть он тебя и отверг когда-то, но ведь он всё же твой отец.

Ха Джун едва сдержал усмешку. «Когда-то»? Если бы не дед, отец отверг бы его навсегда. Теперь же тот, оппортунист, ждал лишь, когда он женится на Чжэ Ха.

— Я сам разберусь.

— Ты и правда намерен продолжать?

— По крайней мере, он должен осознать, что натворил.

Ха Джун покачал головой: скрывать уже нечего. Он ни за что не собирался делать отцу одолжения.

— Я думал, ты всё отпустил. Думал, что не держишься больше за ту смерть. Похоже, ошибался.

— Я пытался. Думал, если всё отброшу, станет легче. И почти так и сделал... — тихо сказал Ха Джун. — Но...

Когда же это было? Тот момент, когда всё изменилось? Он помнил: стоило ему встретить его, всё пошло иначе.

Выражение лица Ха Джуна смягчилось.

— Почему улыбаешься?

— Вспомнил.

И тут же в памяти всплыло лицо Сон Ын Юля — с того самого дня, как он вышел из гостиницы. С того момента Ха Джун изменился.

— Это что ещё такое? — Хён Чжэ Ха брезгливо пнул ногой разбросанную по полу одежду. — Это ты едой назвал?

— Простите...

— С таким «мастерством» и хочешь ханчжонсик готовить?

— Я переделаю...

На мольбы босого мужчины Хён Чжэ Ха лишь прошёл внутрь.

— Пришёл? — махнул рукой Нам Гун Хёк.

Тут Хён Чжэ Ха понял, откуда тут была эта разбросанная одежда. Перед ним — Нам Гун Хёк с едва держащимися на бёдрах штанами и мужчина, голый по пояс, лишь в фартуке. Тот держал руки, не зная, куда их деть, и не смел отвести взгляда от миски, явно стыдясь, что предстает нагим перед посторонними.

— Переделай. Это твой последний шанс.

— Я постараюсь... — лицо мужчины просияло, он взял поднос и направился на кухню. По пути поклонился Хён Чэ Хану и, даже не одевшись, схватил кухонные инструменты.

— Ц-ц, — цокнул языком недовольный Нам Гун Хёк.

Хён Чжэ Ха бросил ему одежду с дивана.

— Одевайся.

— Чёрт...

Одежда со шлепком скользнула по его телу, и Нам Гун Хёк, сложив пальцы щипцами, отбросил её в сторону. На мгновение он посмотрел на прилипшие к коже следы жидкости, но решил не вытирать.

— Ты меня ради этого позвал, чтобы такое показывать? — Хён Чжэ Ха, собираясь сесть на диван, поморщился от исходящих феромонов. Хотят развлекаться вдвоём — так зачем было его звать?

— Кто этот мужик?

— Кандидат... повар для нового ресторана с ханчжон-сиком.

— Кандидат?

— Рука вроде неплохая, поэтому я его взял, но сейчас смотрю — так себе.

— Что за бред?

<http://bllate.org/book/14449/1277815>